

Л.А. Мальцев (Калининград, Россия)

Американская тема в творчестве Г. Сенкевича и Г. Мачтета

Аннотация: В статье рассматривается образ «Нового Света» и проблема эмиграции в «американском» творчестве Сенкевича и Мачтета. Утверждается, что основным историко-литературным контекстом обоих авторов является идеология и философия позитивизма. Сходство между мировоззрением Сенкевича и Мачтета определяется тем, что оба писателя совершили поездку в Америку, и осмысление американской тематики сыграло ключевую роль в их творческой эволюции. Сравнивается образ Америки в «Письмах из путешествия в Америку» Сенкевича и «Путевых картинках» Мачтета. Обнаруживаются сходства и различия художественного осмысления образа индейца в рассказе Сенкевича «Сахем» и повести Мачтета «Черная неблагодарность». Основное внимание уделяется соотношению темы эмиграции и проблемы надежды в повестях Сенкевича «За хлебом» и Мачтета «Блудный сын». Утверждается, что различие между анализируемыми произведениями на сюжетном уровне определяется социальной идентичностью героев (образ интеллигента у Мачтета и образы крестьян у Сенкевича). Делается вывод о том, что в повести Сенкевича складываются антиномические отношения между мотивом надежды как неотъемлемой составляющей человеческой жизни и констатацией безнадежности положения крестьян в Америке. Для повести Мачтета также характерны мотивы разочарования – не оправдавших себя надежд героя на самореализацию в Америке и в то же время мотивы возрождения надежды и обретения смысла жизни в работе на родной земле. Идейное сходство обоих текстов определяется программой «экономического патриотизма», проповедуемой писателями позитивистского направления.

Ключевые слова: Сенкевич, Мачтет, Америка, позитивизм, эмиграция, надежда

L.A. Maltsev (Kaliningrad, Russia)

American Theme in Henryk Sienkiewicz's and Grigori Machtet's Works

Abstract: The article examines the image of the “New World” and the problem of emigration in Henryk Sienkiewicz's and Grigori Machtet's “American” works. It is stated that the main historical and literary context of both authors is the ideology and philosophy of positivism. The similarity between the worldview of Sienkiewicz and Machtet is determined by the fact that both writers traveled to America, and the comprehension of themes considering American culture played a key role in their creative evolution. The image of

America in “*Letters from a Journey to America*” by Sienkiewicz and “*Travel Pictures*” by Machtet are compared. Similarities and differences are found in the artistic interpretation of the image of an Indian in Senkevich’s “*Sachem*” and Machtet’s “*Black Ingratitude*”. The main attention is paid to the relationship between the theme of emigration and the problem of hope in the stories of Sienkiewicz “*For Daily Bread*” and Machtet’s “*Prodigal Son*”. The author concludes that the difference between the analyzed works considering the plot is established by the social identity of the characters (the image of the intellectual in Machtet’s story and the images of peasants in Sienkiewicz’s tale). It is concluded that there is an antinomic relationship between the motif of hope as an integral part of human life and the statement of the hopelessness of the situation of peasants in America in the story by Sienkiewicz. Machtet’s story is also characterized by the motives of disappointment - the hero’s unfulfilled hopes for self-realization in America, and at the same time, the motives of revival of hope and finding the purpose of life in work on land. The ideological similarity of both texts is determined by the program of „economic patriotism” preached by the writers of the positivist direction.

Key words: Sienkiewicz, Machtet, America, positivism, emigration, hope

Генрик Сенкевич является писателем, пользующимся заслуженным признанием в России. Елена Захаровна Цыбенко, в свое время обстоятельно изучив проблемы рецепции творчества Сенкевича в русской читательской среде¹, ссылаясь, между прочим, на зашифрованного литерой «F.» автора польского петербургского журнала «Край» за 1897 г., пишет о том, что «в русском обществе образовался своего рода культ Сенкевича»². «Необыкновенная популярность Сенкевича в России, – уточняет Е.З. Цыбенко, – выразилась также в том, что его произведения породили у некоторых русских литераторов стремление писать на те же темы, откликнуться каким-либо образом на мотивы, затронутые в них»³. Исходя из этого, мы можем предположить, что творчество Сенкевича было знакомо и русскому писателю-народнику Григорию Александровичу Мачтету (1853–1901), хотя нам не известны историко-биографические факты, документально подтвердившие бы эту гипотезу.

Мачтет – представитель того же поколения, что и польские позитивисты (он младше Сенкевича на семь лет), писатель, биографически и духовно связанный с Украиной. Родившийся в Луцке, окраинном на тот момент городе Российской империи, и учившийся в гимназии города Немирова, Мачтет в возрасте одиннадцати лет стал свидетелем польского январского восстания 1863 г., которое «осталось жить в его памяти навсегда, так же как и жестокость властей, расправившихся с повстанцами»⁴. По словам дочери писателя Татьяны Григорьевны Мачтет-Юркевич, за сочувствие польскому делу тогдашний гимназист и будущий писатель был изгнан из гимназии. Жизнь и деятельность Мачтета была тесно связана с революционным движением, следствием чего стал арест, заключение и ссылка (1876–1884). Особый, в наибольшей мере интересующий нас период его жизни – 1872–1875 – поездка в Америку в обществе двух друзей, А.Г. Романовского и

¹ См.: Цыбенко Е.З. Из истории русско-польских литературных связей XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1978.

² Цыбенко Е.З. «Quo vadis» и русский читатель // Вопросы литературы. 1997. № 1. С. 301.

³ Там же. С. 302.

⁴ Мачтет-Юркевич Т.Г. Мачтет // Мачтет Г.А. Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 4.

И.Ф. Речицкого, с целью создания земледельческой коммунны. «Исполненный самых радужных надежд»¹ на воплощение в жизнь этой социально-экономической утопии, Мачтет столкнулся в Америке с суровой действительностью, с утратой иллюзий, однако именно в американский период жизни раскрылся талант Мачтета как очеркиста и беллетриста, проявившийся в «Путевых картинках» – восьми очерках, впервые опубликованных писателем в виде книги под названием «По белу свету» (1889).

Творчество Мачтета является малоизученным: он более известен как поэт², чем прозаик, хотя практически полное отсутствие внимания исследователей к творческому наследию Мачтета не является заслуженным. Татьяной Дьячук творчество Мачтета рассматривается в рамках народнической очеркистики (Глеба Успенского, Николая Златовратского и др.), при этом во главу угла ставится важный мотив инфантильности народных масс в сознании писателей-народников. «Задача интеллигента, по убеждению писателей-народников, – верно пишет Татьяна Дьячук, – состоит в поддержке народа на пути его социального “взросления”»³. Здесь обнаруживается явное сходство между народнической программой и лозунгом «работы у основ» польского позитивизма. И здесь же проблематика творчества Мачтета, безусловно, перекликается с ранней позитивистской новеллистикой Сенкевича (рассказами «Наброски углем» или «Бартек-победитель»). Однако позитивизм во многом делал ставку на эволюционное развитие капиталистических отношений, основанных на свободном предпринимательстве, в то время как смысл деятельности русских интеллигентов-народников, по верному замечанию исследовательницы, состоял в том, чтобы «помочь “взрослеющему” народу избежать “соблазнов” капитализма»⁴, следовательно, в народническом движении присутствовали зерна социалистической идеологии. Согласно Мачтету (в период его прибытия в Америку) «прививкой» от буржуазного эгоизма и должен был стать социально-экономический проект земледельческой общины.

К «американской» прозе Мачтета обращается культуролог Николай Кубанев. Так, например, в связи с очерком «Нью-Йорк» ученый пишет, что Мачтет изображает «гигантский мегаполис» как «город надежды, бурной динамики и заботы о человеке»⁵. В отличие от многих европейских авторов (например, Чарльз Диккенс, Василий Розанов), Мачтет «акцентирует не отрицательные, а положительные стороны американского характера»⁶. «Под воздействием американской действительности Мачтет из русского общинника превращается в американского индивидуалиста»⁷, – констатирует исследователь. Сопоставляя «американскую» прозу Мачтета с повестью Владимира Короленко «Без языка», Николай Кубанев делает вывод, что у Короленко «американская тема... получает новый ракурс: в

¹ Там же. С. 6.

² См.: *Нагорнов В.П.* Григорий Александрович Мачтет как создатель стихотворения «Последнее прощанье» – литературной основы революционного гимна «Замучен тяжелой неволей» // *Российский научный журнал.* 2017. № 1(54).

³ *Дьячук Т.В.* Инфантилизм народа как тема очерковой прозы писателей-народников // *Научный диалог.* 2020. № 2. С. 231.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ *Кубанев Н.А.* Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей XIX – первой половины XX вв.: Дисс. ... доктора культурологии. М., 2001. С. 399: <https://www.dissercat.com/content/obraz-ameriki-v-russkoi-literature-iz-istorii-russko-amerikanski-kh-literaturnykh-i-kulturnykh> (дата обращения: 21.01.2023).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

нее входит тема ностальгии и утраты иллюзий у человека, оказавшегося на американской земле. А отсюда органично вырастает тема патриотизма»¹. Однако если сопоставить повести «Блудный сын» Мачтета и «Без языка» Короленко, то здесь обозначается в первую очередь все же сходство, а не различие: патриотизм Короленко и Мачтета, по аналогии с польскими позитивистами, заставляет героев обеих повестей пройти путь избавления от иллюзии, выраженной знаменитой пословицей «Славны бубны за горами», и обрести смысл жизни в труде на родной земле.

Аналогичной является позиция великого польского писателя Генрика Сенкевича. «Показывая трагедию простых людей, – говорится в моем совместном исследовании с И.Д. Копцевым, – [Короленко и Сенкевич. – Л.М.]... объясняют крушение крестьянских надежд на счастливое будущее столкновением двух картин мира: традиционно-патриархальной, опирающейся на идею связи человека с родной землей, и буржуазно-модернизационной, в основе которой лежит концепция «американской мечты» как индивидуалистического проекта самореализации» (Копцев, Мальцев)².

В судьбе Сенкевича определяющую роль сыграл «американский» период его жизни и творчества (1876–1878), с тем, однако, отличием от Мачтета, что пребывание классика польского реализма в Америке связано с его журналистской деятельностью в качестве корреспондента «Газеты Польской». Польский исследователь Здзислав Найдер справедливо обращает внимание на двуединую позицию Сенкевича, состоящую в его глубоком погружении в американскую жизнь и вместе с тем усилившейся именно в американский период патриотической тенденции его творчества. «“Письма из путешествия”, – констатирует исследователь, – это само по себе произведение выдающееся и заслуживающее внимания исследователя. Они являются славной страницей не только в истории нашей литературы, но и в истории прогрессивной мысли. Однако их значение еще важнее, и самое интересное для историка литературы – в том, что они занимают особое место в развитии идеологии и писательского мастерства автора. Разница по уровню и идейной позиции между произведениями Сенкевича, написанными до поездки в Америку и по возвращении оттуда, – полностью очевидна»³. В свою очередь, говоря об «американских» рассказах и повестях Сенкевича, тесно связанных с его «Письмами из путешествия в Америку», Здзислав Найдер проводит их внутреннюю классификацию, разграничивая группу «американских» новелл «*sensu stricto*» («В стране золота», «Комедия ошибок», «Орсо», «Сахем»), и повесть «За хлебом» – «единственное» произведение «о типичной судьбе польского крестьянина-эмигранта»⁴.

В «Письмах путешествия в Америку» Сенкевич, как польский корреспондент, руководствуется принципом критической дистанции по отношению к американскому образу жизни и мысли. Его мировоззренческая установка – полоноцентристская и европоцентристская: для Сенкевича-туриста главными критериями культурной ценности любого посещаемого места является прочность его связи с «преданья-

¹ Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей XIX – первой половины XX вв. С. 399.

² Копцев И.Д., Мальцев Л.А. Оппозиция «родина» – «чужбина» в «американских» повестях Г. Сенкевича «За хлебом» и В.Г. Короленко «Без языка» // Вестник БФУ имени И. Канта: Филология. Педагогика. Психология. 2022. №2. С. 73.

³ Najder Z. O «Listach z podróży do Ameryki» Henryka Sienkiewicza // Pamiętnik Literacki. 1955. №46(1). S. 54.

⁴ Ibid. S. 118–119

ми старины глубокой», глубина национальной самобытности: «Везде есть какая-то традиция, везде со стен смотрит на тебя если не сорок веков... то хотя бы более чем десять, везде видишь историю, застывшую в стене и камне, везде определенная национальная особенность, везде какой-то великий идеал, начало которого во мраке прошлого. В Нью-Йорке всего этого нет»¹. Мачтет ценит древность памятников истории гораздо меньше, чем Сенкевич. Поэтому образ Нью-Йорка в «Путевых картинках» русского писателя является более располагающим (при всей критической объективности показа американской действительности). Образ крупнейшего города Америки у Мачтета не лишен некоторой поэтичности, связанной с восприятием как здешней природы, так и цивилизации: «Никогда не забудешь ни синей воды омывающего его океана; ни леса мачт на пристани и дымящихся труб пароходов; ни стройных красивых, подчас грандиозных построек, которым могли бы позавидовать и Париж и Лондон; ни той кипучей, сильной жизни, которая не прекращается на его улицах»². Апологетическое отношение Мачтета к американской жизненной философии не отменяет критической реалистичности «Путевых картинок», нередко переходящей в едкую иронию, проявляемую на уровне художественных деталей. Например, утверждая, что американцы – «мастера на рекламы», Мачтет приводит забавный пример: «Во время моего пребывания в Штатах случился небывалый курьез, когда фабрикант вздумал даже своего президента обратиться в вывеску-рекламу... Вновь избранный Грант должен был говорить речь с традиционной “платформы” к избирателям. Накануне он получил от фабриканта целый gross (дюжину дюжин) прелестных носков в подарок, с вышитыми крупными золотыми буквами именем фабриканта и маркой фабрики. Посылая этот подарок, фабрикант просил своего “высокоуважаемого президента”, которого уверял в своей “любви и преданности”, непременно надеть его носки и только подкатать панталоны, чтобы “все граждане могли видеть золотое клеймо фабрики”. Грант, конечно, обиделся. В газете было напечатано, что “президент никак не ожидал, чтобы нашелся гражданин, который смотрел бы на президента как на вывеску”, – но дело было сделано... Этот курьез разошелся по штатам, и фабрика стала известной»³.

Известный по всему миру американский меркантилизм саркастически описан Мачтетом не только в путевых очерках. В образе мистера Смартбоя – персонажа с говорящей фамилией (повесть «Черная неблагодарность», 1889) – показано фиаско самоуверенного американского прагматика при столкновении с одним из последних представителей автохтонной цивилизации – вождем индейского племени Черным Ястребом. Повесть Мачтета была написана в период сибирской ссылки и издана в том же году, что и новелла Сенкевича «Сахем». Сюжеты этих произведений отличаются поразительным сходством перипетий и вместе с тем диаметральной противоположностью неожиданных развязок. Сходны также имена героев-индейцев у обоих писателей: «сахем» Красный Ястреб из племени черных змей у Сенкевича и Черный Ястреб у Мачтета. В рассказе Сенкевича местом действия является цирк, в котором канатоходцем работает сын легендарного вождя индейского племени. В «североамериканской» повести Мачтета также подчеркивается взаимосвязь мотивов развлечений толпы и американского стремления к коммерческому успеху, связанного с риском, не всегда оправданным: мистер Сматрбой получает в свое рас-

¹ *Sienkiewicz H.* Listy z podróży do Ameryki. URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/sienkiewicz-listy-z-podrozy-do-ameryki.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).

² *Мачтет Г.А.* Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 63.

³ Там же. С. 76.

поражение настоящего индейского вождя, используя его в качестве приманки для посетителей магазина, владельцем которого он является.

Сходство произведений обеспечивает также мотив опасности и страха жаждающей развлечений толпы в связи с тем, что в потомке индейцев может пробудиться вольнолюбивый дух его соплеменников и желание отомстить бледнолицым за гибель индейского мира. Эти мотивы явно присутствуют в рассказе Сенкевича. И наоборот, в повести Мачтета имеет место неоправданная беспечность участников пикника и самого организатора мероприятия мистера Смартбоя. Не случайно в рассказе «Сахем» Сенкевича присутствует аллюзия легенды о Дон Жуане и Каменном госте («Оркестр перестает играть “Янки Дудл”, раздается мрачная ария командора из “Дон-Жуана”»¹) – она также скрыто присутствует в повести Мачтета.

«Синонимическими» эпизодами рассказа Сенкевича и повести Мачтета являются сцены пения, пробуждающего в главном герое чувство патриотизма и ненависти к врагу. Здесь просматривается еще одна скрытая аллюзия – песнь Вайделота в поэме «Конрад Валленрод» Мицкевича (в большей степени достоверен этот мицкевичизм в новелле Сенкевича, в которой индеец «поет по-немецки»):

<p>«Тем временем сахем приближается к другому концу проволоки, останавливается – и неожиданно из его груди вырывается песнь войны. Как странно! Вождь поет по-немецки. Но это вполне понятно. Очевидно, он забыл язык своего племени. Впрочем, никто не обращает на это внимания. Все слушают песню, которая растет и крепнет. Это не то пение, не то какой-то безгранично тоскливый вой, дикий и хриплый, полный зловещих нот»².</p>	<p>«И он запел ее, эту страшную боевую песню его братьев. Могучим движением поднялся он с места, выпрямился и, смотря вдруг загоревшимися, воспаленными глазами туда, где стояли “вигвамы”, где витали в тумане души почивших героев – в эту страшную пропасть, – он пел им свою дикую, вольную песню. И по мере того, как он ее пел, по мере того, как резкие гортанные звуки все смелее вырывались из его груди, он, казалось, рос все выше и выше, делался все легче, загорался все большею страстью, становился все могучее и сильнее»³.</p>
--	---

Развязка в произведениях Сенкевича и Мачтета основывается на не оправдавших себя ожиданиях. У Сенкевича оказывается, что герой просто очень хорошо исполнил свою роль, не представляя, на самом деле, той угрозы, которую ожидала толпа. С этим связаны горько-иронические акценты авторской трактовки событий, обусловленные тем, что «сахем» полностью утратил свободолобивый дух своих отцов. В произведении Мачтета неожиданность развязки предопределяется, наоборот, наивной самоуверенностью мистера Смартбоя, считавшего, что он достиг полного успеха в приручении индейца, но в итоге эта самонадеянность предприимчивого человека, поставившего деньги выше других ценностей, стоила ему жизни.

Другой парой текстов польского и русского писателя об Америке, имеющих ряд важных типологических параллелей, являются повести «За хлебом» (1879) Сенкевича и «Блудный сын» (1882) Мачтета. Основанием для сопоставления является присутствие в них мотивов эмиграции – оставления родного дома и переезда в Америку. В повести Сенкевича путешествующими героями является крестьянская семья из двух человек – отца Вавжона и дочери Марыси. Это поездка без возврата, продиктованная материальными, экономическими причинами, что проявляется в самом названии повести «За хлебом». В повести Мачтета неотъемлемым элементом путешествия героя является мотив возвращения домой, в соответствии с сюжетом обозначенной в названии евангельской притчи. Как и герой

¹ Сенкевич Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. С. 391.

² Там же. С. 393.

³ Мачтет Г.А. Избранное. С. 502.

Сенкевича, путешествующий герой-одиночка Андрей Загайный тоже крестьянского происхождения, но он учитель, представитель мира интеллигенции. Ввиду его принадлежности к интеллигенции, действия этого героя не продиктованы глубоко материалистическими соображениями. Загайный со свойственным ему максимализмом противопоставляет себя омещанившемуся окружению и совершает отчаянный поступок, уезжая в далекую страну. Америка для него – это главный жизненный «экзамен», результатом которого должна стать или полная самореализация, или окончательное поражение в жизни.

Дифференцирующим социологическим контекстом двух рассказываемых историй является то, что Сенкевич описывает массовую эмиграцию соотечественников, которую писатели позитивистской формации воспринимали как угрозу социально-экономическому благополучию страны. Основной тенденцией польской позитивистской прозы был «экономический патриотизм»¹, предполагающий критику «эмиграции талантов»² и доносящий до соотечественников мысль о том, что погоня «за хлебом» на чужбине является пагубной иллюзией и что человек не может нигде быть так востребован, как на родной земле.

В частично автобиографической повести «Блудный сын» Григорий Мачтет художественно переосмысливает опыт своего личного путешествия в Америку. Судя по сюжету, поездка подданного Российской империи в Америку в исторических условиях позапрошлого века – довольно редкий случай, вызывающий удивление американцев. Если в повести Сенкевича отмечается, что для американцев польские обычаи, привычки героев не являются особой экзотикой, то, когда герой повести Мачтета Андрей Загайный в разговоре с американцами неоднократно называет свою национальность «русский»³, неизменной реакцией является удивление, поскольку в Америке XIX в. о представителях этого народа мало кто знает. Поэтому сам Загайный в стереотипизированном американском восприятии фигурирует как «европеец» или, еще более обобщенно, как «чужой»⁴. Вавжон и Марыся в Америке встречают многих поляков, в то время как обстоятельства пребывания Загайного в заокеанской стране полностью вырывают его на этот жизненный период из среды своих соотечественников.

В повестях Сенкевича и Мачтета важную роль играет мотив надежды, с которым связаны основные действия героев обоих произведений. Во имя надежды герои переезжают в Америку, однако дальнейшее развитие событий демонстрирует обманчивость надежд. Но именно в момент краха надежды на чужбине новым «воплощением» надежды становится перспектива возвращения на родину, и эта надежда реализуется в повести Мачтета, в то время как у Сенкевича надежда на возвращение для польских крестьян оказывается не менее эфемерной, чем первоначальная надежда на обретение счастья в далекой стране. В подобном пессимистическом решении Сенкевича проявляется, прежде всего, его дидактическая задача, заключающаяся в суровой демонстрации бесперспективности и безвыходности положения польского крестьянина на чужбине. Сентиментально-сочувственное отношение автора к попавшим в беду героям (в особенности к Марысе) диссонирует с ключевым тезисом повести, основывающимся на суровом дарвиновском законе борьбы за существование: крестьянин находит себе работу и может выжить только на родной земле, а на чужбине он обречен на вымирание. Счастливая или, по крайней мере, неоднозначная концовка (например,

¹ *Orzeszkowa E.* Publicystyka społeczna. T. 1. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. S. 328–329.

² *Ibid.* S. 259–260.

³ *Мачтет Г.А.* Избранное. С. 350, 362, 380.

⁴ Там же. С. 366–372.

смерть Вавжона и спасение Марыси) пробуждает надежду на относительно благополучный исход эмиграции – создает впечатление, что у крестьян-эмигрантов есть определенный шанс на выживание и, может быть, на успех. Конструирование образов Вавжона и Марыси в повести Сенкевича связано с мотивом надежды в самых отчаянных жизненных ситуациях (*contra spem spero*): в бушующем океане, во многолюдном Нью-Йорке, в лесах Арканзаса. Сенкевич показывает, что надежда является центральным элементом жизни каждого человека, в любой отчаянной ситуации. Вернувшись в Нью-Йорк Марыся до последнего момента пытается попасть на корабль, идущий из Америки в Европу, что является своего рода «реквиемом» надежды в повести. Единственным отклонением от императива надежды является эпизод в середине повествования, когда Вавжон принимает решение утопить свою дочь, что сам же впоследствии, перед смертью, сознает как тягчайший грех – грех отчаяния.

Зигзагообразная сюжетная кривая – крах надежды, ее последующее возрождение, а затем новый ее крах – является индикатором конфликта между сочувственным отношением автора к героям и беспепелляционностью авторского приговора, связанного с тем, что в Америке жизнь для крестьян фактически кончилась. Согласно черновой версии повести, Сенкевич в процессе работы над рассказом рассматривал возможность приезда в Америку возлюбленного Марыси – Яся¹. Гипотетический мотив воссоединения возлюбленных является проявлением надежды, однако, исходя из реалистической достоверности, автор отказывается от первоначальных планов возрождения отношений Яся и Марыси. В этом отношении ранний Сенкевич-позитивист диаметрально противоположен зрелому Сенкевичу как певцу героического прошлого, укрепляющему дух польских читателей. Скшетульский в конце соединяется с Еленой, Кмициц с Оленькой, а Виниций с Лигией, что является характерной для зрелого Сенкевича реализацией сюжета оправданной надежды. Существует параллелизм в расстановке персонажей повести «За хлебом» и романа «Огнем и мечом», где отношения между парой влюбленных осложняются введением фигуры антагониста героя и третьего участника «любовного треугольника» – соответственно Орлика и Богуна. В этих фигурах есть демоническое начало, однако этот демонизм не лишен специфической привлекательности. Несмотря на разрушительную волю, герой-антагонист выступает в положительной функции спасителя героини, даже, как в повести «За хлебом», ценой своей жизни. Однако художественная диалектика потери надежды и затем ее возрождения в повести «За хлебом», по сравнению с исторической романистикой Сенкевича, вывернута наизнанку: хотя герои и руководствуются вышеупомянутым принципом *contra spem spero*, однако, в итоге, события, происходящие в повести, приводят к краху надежд.

У Мачтета категория надежды является так же, как и у Сенкевича, основным сюжетным двигателем повести. В истории Андрея Загайного мотивы потери и возвращения надежды обусловлены развитием отношений главного героя с его возлюбленной Галиной, с которой они, познакомившись, тут же расстаются, и затем эта связь спорадически поддерживается посредством переписки, чтобы в конце произведения, после возвращения Андрея из Америки в родное село Барвиновку, увенчаться счастливым воссоединением влюбленных. Галина наделена, как и Андрей, такими чертами характера, как беспокойство, тяга к новому: она покидает родину для того, чтобы искать своего призвания за рубежом, т. е. делает то, что сделал впоследствии Андрей, отчаявшийся найти свое призвание на родине. Впоследствии, в период пребывания Андрея в Америке, Галина живет в Петербурге, что, учитывая

¹ Сенкевич Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 398.

особое значение петербургского топоса в русской культуре («...глубочайшая идея его (Петербурга. – Л.М.) лежит... в несводимой к единству антитетичности и антиномичности»¹), можно назвать символической презентацией не столько спокойствия или умиротворения, сколько промежуточного пребывания между отчизной и чужбиной, оседлым и скитальческим образом жизни.

Между идиллическим моментом знакомства героев и также идиллическим, но все-таки искусственным финалом повести у Мачтета имеет место, как и в повести Сенкевича, мотив разлуки героев. Здесь проявляется отмеченный Георгием Гачевым лейтмотив «русского эроса»: «Сквозь всю русскую литературу проходит высокая поэзия неосуществленной любви. “В разлуке есть высокое значенье”, – писал Тютчев... – Жизнь разводит влюбленных, как мосты над Невой»². Любовная линия в повести «Блудный сын» отходит на второй план, что объясняется отсутствием в судьбе Галины и Андрея драматических осложнений, которые могло вызвать появление третьего персонажа, – например, потенциального антагониста главного героя и конкурента за руку и сердце его избранницы, как это происходит в повести Сенкевича.

Для героев Мачтета и Сенкевича пребывание в Америке знаменует неизбежное эмоциональное отчуждение от „Нового Света” и, следовательно, постепенную утрату надежды. В контексте этой негативной динамики особую роль *deus ex machina* играет мудрый советчик, которые встречается герою (герою) в критический момент жизни и подсказывает им дальнейший путь, помогая посмотреть на проблемы американского образа жизни по-новому. В повести «За хлебом» это встреча доведенных до крайней нищеты Вавжона и Марыси с пожилым соотечественником, паном Злотопольским, который дает им не оправдавшуюся в долгосрочной перспективе надежду, направляя в польскую колонию Боровина в штате Арканзас. В повести «Блудный сын» оказавшийся на больничной койке Андрей Загайный встречается с медсестрой мисс Вудзон и анонимным доктором-американцем, беседы с которыми приводят героя к переосмыслению всей его жизни. Монологи этих будто бы «посланных Богом» персонажей имеет назидательный характер, в них сфокусирован идеологический смысл обеих рассказываемых историй:

<p>«Да, много горя вы хлебнули. Страна эта хорошая, только нужно уметь здесь устроиться... Когда я сюда приехал, у меня ничего не было, а теперь есть кусок хлеба. Но вам, крестьянам, нужно свою землю пахать, а не по свету таскаться. Если вы уедете, кто же там останется? Приехать-то сюда легко, но вернуться трудно. А здесь вы никому не нужны»³.</p>	<p>«Знаете, доктор, – говорит он (Андрей. – Л.М.), – когда я ехал сюда, один баварец, побывавший здесь, и, заметьте, очень умный человек, не советовал мне ехать, уверяя, что у вас здесь нет жизни [...] / – Ну, положим, – отвечает доктор, подумав, – жизнь-то есть, но своя, особенная, вами, европейцами, не усваиваемая. Видите, ведь мы особенного склада люди; кое-что да кое-как пережили, что и сделало нас оригинальными, вам чуждыми. [...] Ну, а насчет первого, так... отчего же не ехать? [...] Работа найдется, только [...] знаете нашу задачу настоящего момента, жизнью намеченную и поставленную нам пока дилемму? [...] Победить пространство, сэр, вот что! [...] Пустыню, сырую природу прибрать к рукам и обработать, – вот что написала жизнь на нашем знамени. А потому рукам, одним рукам... у нас вольготнее, легче ориентироваться, осесть, чем одной голове. [...] У вас не то; у вас места мало. [...] У вас главный спрос на голову...»⁴.</p>
--	--

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. С. 5.

² Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2003. С. 252.

³ Сенкевич Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 305.

⁴ Мачтет Г.А. Избранное. С. 381.

Сопоставление этих тезисов повестей «За хлебом» и «Блудный сын», с помощью которых проясняется целесообразность и перспектива переезда из Европы в Америку, позволяет допустить возможность непосредственного знакомства Мачтета с повестью Сенкевича. Мачтет сохраняет и разворачивает основной тезис Сенкевича, кратчайшим образом выражаемый поговоркой «где родился, там и пригодился», дополняя, как и Сенкевич, этот тезис контртезисом, апологетическим по отношению к Америке как к земле, имеющей свои преимущества для приезжих, но только для тех, кто знает, как пользоваться этими преимуществами. В повести Мачтета доктор высказывает парадоксальное суждение «у вас не то, у вас места мало», обусловленное тем, что он принимает Андрея за «европейца», не имея представления о том, что на родине героя земли как раз много, следовательно, лозунг «победить пространство», «пустыню, сырую природу прибрать к рукам и обработать» в Восточной Европе гораздо более актуален, чем в Западной. Конструктивная концовка повести, представляющая собой возвращение Загайного и его альтруистический труд, физический, равно как и умственный, на благо своим односельчанам соответствует позитивистской идеологии, исповедуемой польскими писателями, в том числе Генриком Сенкевичем.

ЛИТЕРАТУРА

- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. 480 с.
- Дьячук Т.В.* Инфантилизм народа как тема очерковой прозы писателей-народников // Научный диалог. 2020. № 2. С. 222–237.
- Копцев И.Д., Мальцев Л.А.* Оппозиция «родина» – «чужбина» в «американских» повестях Г. Сенкевича «За хлебом» и В.Г. Короленко «Без языка» // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2022. № 2. С. 72–77.
- Кубанев Н.А.* Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей XIX – первой половины XX вв.: Дисс. ... доктора культурологии. М., 2001: <https://www.dissercat.com/content/obraz-ameriki-v-russkoi-literature-iz-istorii-russko-amerikanskikh-literaturnykh-i-kulturnykh> (дата обращения: 21.01.2023).
- Мачтет Г.А.* Избранное. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 616 с.
- Нагорнов В.П.* Григорий Александрович Мачтет как создатель стихотворения «Последнее прости» – литературной основы революционного гимна «Замучен тяжелой неволей» // Российский научный журнал. 2017. № 1(54). С. 39–51.
- Сенкевич Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. 399 с.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.
- Цыбенко Е.З.* Из истории русско-польских литературных связей XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1978. 280 с.
- Цыбенко Е.З.* «Quo vadis» и русский читатель // Вопросы литературы. 1997. № 1. С. 301–312.
- Najder Z.* O «Listach z podróży do Ameryki» Henryka Sienkiewicza // Pamiętnik Literacki. 1955. № 46(1). S. 54–122.
- Orzeszkowa E.* Publicystyka społeczna. T. 1. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 776 s.
- Sienkiewicz H.* Listy z podróży do Ameryki: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/sienkiewicz-listy-z-podrozy-do-ameryki.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).

REFERENCES

Gachev G.D. (1995). National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos. Moscow. Progress Publ. 480 p.

Dyachuk T.V. The Infantilism of the People as a Theme of the Essay Prose of Populist Writers. *Nauchnyi Dialog*. 2020. No 2, pp. 222–237.

Koptsev I.D., Maltsev L.A. The Opposition of Homeland – Foreign Country in “American” Novels “For Daily Bread” by H. Sienkiewicz and V.G. Korolenko’s “Without Language”. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology, Pedagogy, Psychology*. 2022. No 2, pp. 72–77.

Kubanev N.A. The Image of America in Russian Literature: From the History of Russian-American Literary and Cultural Relations in the 19th – first half of the 20th centuries: Thesis (Cultural Studies). Moscow. 2001: <https://www.dissercat.com/content/obraz-ameriki-v-russkoi-literature-iz-istorii-russko-amerikanskikh-literaturnykh-i-kulturnykh> (date accessed: 21.01.2023).

Machtet G.A. (1958). Selected Works. Moscow. Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoy Literaturny Publ. 616 p.

Nagornov V.P. Grigory Alexandrovich Machtet as the Creator of the Poem “Poslednee prosti” – the Literary Basis of the Revolutionary Anthem “Zamuchen tyazheloy nevolej”. *Russian Scientific Journal*. 2017. No 1(54), pp. 39–51.

Sienkiewicz H. Collected Works: In 9 vols. Vol. 1. Moscow. 1983. 399 p.

Toporov V.N. (2003). Petersburg Text of Russian Literature. St. Petersburg. Iskusstvo-SPb Publ. 616 p.

Tsybenko E.Z. (1978). From the History of Russian-Polish Literary Relations in the 19th–20th centuries. Moscow. Moscow State University Press. 280 p.

Tsybenko E.Z. “Quo vadis” and the Russian Reader. *Voprosy Literatury*. 1997. No 1, pp. 301–312.

Najder Z. On Henryk Sienkiewicz’s “Letters from a Journey to America”. *Pamiętnik Literacki*. 1955. No 46(1), pp. 54–122.

Orzeszkowa E. (2005). Social Journalism. Vol. 1. Kraków. Wydawnictwo Literackie. 776 p.

Sienkiewicz H. Letters from a Journey to America: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/sienkiewicz-listy-z-podrozy-do-ameryki.pdf> (date accessed: 21.01.2023).

Сведения об авторе:

Леонид Алексеевич Мальцев,
доктор филол. наук
профессор
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта

Leonid A. Maltsev,
Doctor of Philology
Professor
Immanuel Kant Baltic Federal University

lamaltsev23@mail.ru